

С. А. ГОЛОВАНЕНКО

Философ и философия общего дела

I

Волей или неволей все мы оторваны от прошлого: радостные или печальные мы на другом берегу. Время летит. Все беспокойнее и требовательнее ищет мысль переправы: исторической, космической непрерывности... Можно ли положиться на слова поэта: «Тайной пророческой грезой вечную истину мы обретаем?»¹ Или надежнее отыскивать ясными глазами линии переправы, камни — залогов мостов? При зорком и выискивающем всматривании в тот берег, — в нашем русском прошлом мы находим яркую точку, которая может стать для нас знаком единения; мы видим загадочного мудреца, наводящего мосты от прошлого к грядущему, символической вязью связующего век 19 и XX-ый. Кто он? Неведомый многим, Николай Федорович Федоров был близок главам духовной жизни: Л. Толстому, В. Соловьеву, Достоевскому... Толстой гордится тем, что он — современник «великого старца», «совести нашей». Толстой изумляется учению Федорова и заявляет, что он стал бы последователем Федорова, если бы не имел своего учения. В. Соловьев писал Федорову: «Я с своей стороны могу только признать вас своим учителем и отцом духовным»¹ И несомненно в публичных лекциях В. Соловьева (80 гг.) чувствуется ученичество... Идеи Федорова взволновали Достоевского... «Кто этот мыслитель? Если можете, то сообщите его настоящее имя. Он слишком заинтересовал меня» (Письмо к Петерсону 1878 г.)². И несомненно, что в творчестве Достоевского, хотя бы в намечающемся типе Шатова, есть следы духовной взволнованности. Эти «справки» — лучший орнамент к слову о Федорове, яркое вплетение в простую биографическую ткань. Незаконнорожденный сын кн. Гагарина и крепостной³, получивший блестящее образование в Одесском Лицее, Николай Федорович в течение 1854—68 гг. учительствовал в уездных городах, начиная от Липецка и Углича

и кончая Подольском. 30 лет работал в библиотеках и архивах Москвы. Последние годы жил на 17-рублевую пенсию. Умер одиноким 80-летним старцем⁴ в 1903 году, 15 декабря. Чем незатейливее биографическая канва, тем богаче вышитые на ней психogramмы: «свет из тьмы». Душа Федорова в корневой своей стихии динамична, порывчато-плодоносна. Однако в ней не темная дионисийская стихия, захлестнувшая Ницше и бунтующая в душевных судорогах Достоевского. Динамика душевной жизни, всегда сдерживаемая, становилась хаокоcosмосом. Эту хаокоcosмичность можно увидеть во внешнем лике Федорова. «Высокая, высохшая, слегка согбенная фигура». Бледное лицо изящного овала. «Могучее, огромное, спереди обнаженное чело, на котором мускулы и жилы вздымались буграми, как только напрягалась его оригинальная дума и лилась глубокая остроумная речь» (В. Кожевников)⁵. «В удивительных лучистых глазах горел страстный огонь целомудренной юности» (Кожевников). «Весь он светился внутренней добротой, доходящей до детской наивности. Если бывают святые, то они должны быть такими» (И. Толстой)⁶. Так за сухостью, мускулистостью, за какой-то современно-суровой жесткостью и особенной страстностью светлеет детская, не знающая зла — душа. «Строгий», «грозный», «деспотичный» старец был добряком, жалостливцем, сосудом любви. В тоне души его жизненно-трезвой есть что-то от 60-х годов, что-то базаровское: в ней не мистические трепетанья Достоевского и не рассудочное резонерство Толстого. Федоров, с трезвой, бесконечно-подвижной душой, по глубине душевной — делец, прагматик. Жизнь для него не барство, не безтрудье, а дело святое, творческая работа, добровольный свободный труд. Всякий сознательный и осмысленный труд — дорог, священен. Апофеоз труда для Федорова не звучное красивое слово: всей жизнью своей, ежедневной и будничной, он засвидетельствовал драгоценность, святость труда, он оправдал свой глубинный прагматизм. Николай Федорович «приходил в музей чуть не с восходом солнца, уходил позже всех. Целый день без устали с юношескою живостью он бегал по лестницам, доставал книги, не имея терпения дожидаться служителя или жалея его ноги» (И. Толстой). Апостол труда Федоров защищал добровольную сверхурочную работу, видя в ней бескорыстное религиозное выражение души человеческой. Труд должен быть осмыслен, телеологичен. Фарисейством выглядят дела и делишки. Пошел прагматизм, разряжающийся в успокаивающих настроеньях или добывающийся корыстных плодов. Федоров бесконечно осмысливал свой личный свободный труд, видя в нем действенное богослужение. Труд учителя осмыслен им в изумительной по силе философии просвещения, предвосхитившей все добрые намеки в речах о трудовой школе. Труд библиотекарский привел его к созданию философии книги,

философии музея. Так будни житейские становились евангелием высшего разума и вершины духа преображали повседневность. Мускульно-прагматическое, трудовое начало личности Федорова не пленило в нем мысли. Федоров, великий книжник, впитавший соки энциклопедической образованности, был защитником творческой мысли, был революционером мысли. Мысль, проясняющая символические намеки религии, осмысливающая рассыпанные и спутанные буквы науки, мысль, преображенная проектом борьбы за жизнь, — священна. Истинное образование указывает путь осмысленной жизни. Энциклопедически образованный, в личном опыте объединявший распадающиеся составы современной культуры, составы религиозные, научные, этико-социологические, эстетические, — Федоров, сравнительно с В. Соловьевым и Достоевским, был мудрецом, создававшим проект великого вселенского живого Синтеза. Прагматическая, волевая стихия души, синтетическая живая мысль — вот координаты психogramмы Федорова. Все в этой психogramме до мелочей современно: и прагматическая динамика, и склонность к великим синтезам... Но еще современнее и роднее те смыслы, те пневмограммы, которыми жил и питался Федоров. Перед нами великий человек, мудрец! За био- и психogramфическою вязью открывается подлинно-русское, общечеловеческое, вселенское⁷. Величие человека определяется самоограничением, благодаря которому он становится органом и органом сверхличных норм и заветов. Скромнен Сократ. Скромнен Гете. Скромнен всякий, становящийся мировым эхом. В мистической скромности Достоевского, в рационалистическом умалении Толстого было или недосказанное, или фарисейское. Федоров, бедняк, почти нищий не по неволе, а по охоте, воплощал в своей жизни трезвую скромность. Он — искренний народник и опрощенец. «Вернувшись в свою каморку, Николай Федорович обедал чем попало, по большей части только пил чай с хлебом; ложился спать на голом сундуке часа на 1¹/₂; затем читал и писал до 3—4 часов ночи; опять засыпал часа на два, и, напившись чаю, часов в 7—8 шел в Музей. И такую жизнь он вел десятки лет» (Бартенев)⁸. Вы скажете, аскетизм этот — юродство? Да, здесь чувствуется Русь юродствующая и юродством разбивающая уставные грамоты жизни. Но разве не юродство хождение в народ? Опрощение Толстого? путешествия В. Соловьева? Разве мало юродства в современности? Правда жизни светится в «юродстве» Федорова. Недаром Л. Толстой при встречах с истинным опрощенцем Федоровым «стыдился» себя. Но «юродство», добровольная бедность были лишь формой, заставкой основного смысла жизни Федорова. Стремясь стать органом не личного, а вселенского сознания, Федоров избегал славы, известности, старался быть незаметным. Его работы изданы в целом уже после смерти в двух то-

мах под заглавием «Философия общего дела». При жизни Федоров печатался редко, всегда анонимно. Что это, капризная странность? Федоров, глубочайший противник всяких форм мертвящего индивидуализма, прекрасно знал, что интеллигентский духовный аристократизм соблазнительнее и смертельнее всего, и боролся с ним не словом, а делом. Собственность духовная, когда мысли, чувства, воления не наши, а общи, вселенски, — худшее из зол. Федоров отрицал индивидуальное авторство, всякое, и внутреннее и внешнее, авторское право. Его сознательная анонимность — глубоко символична. Недаром Федоров резко обличал Толстого за двуличие: отрицая собственность, Толстой дарил свои автографы Софии Андреевне, т. е. признавал духовную собственность. «Я не могу взять назад свое слово. Все свои автографы я подарил С. А. и это ее собственность» (Л. Толстой)⁹. Федоров в своем русском радикализме, не словесном, а воплощаемом в жизни, достигал пределов. «Этого неутомимого радикала и нетерпеливого обобщателя нельзя было удержать на полдороге к цели, убедить хотя бы и в печальной неизбежности полумер, хотя и в досадной необходимости постепенности» (В. Кожевников). Тон радикализма воочию современен и в контексте современности так понятен! Почему же сам Федоров молчал, косвенно скрывая вселенский проект — светильник? Здесь одна из тайн его личности. Федоров не соглашался на предложение печататься, «находя всеобщий призыв к делу спасения, к делу Христову, еще не своевременным и самое изложение этого призыва неполным и недостаточным» (Петерсон)¹⁰. Что это: особое историческое чутье, переплавляющее радикализм? Недоверие к само-мессианству? Одно несомненно, что в личности Федорова как-то перестраивалось ветхое индивидуалистическое сознание. Отрицая аристократизм и призывая к вселенскому сознанию, Федоров не хотел посягать на святую личность, не проектировал среднеарифметического сознания, не соблазнялся «шигалевщиной» Достоевского. Общее вселенское сознание означает живое единство личностей, во всеединстве находящих свою полноту, свое гармоническое родство. Наше маленькое сознание и по генезису, и по структуре, и по устремленьям соборно, коллективно. Будучи плодом общечеловеческой активной борьбы с природой, оно потому механически обособлено, т. е. окружено и затоплено стихийно-бессознательными природными потоками, — что оно даровое. Задача индивидуального сознания каждой личности заключается в том, чтобы и в себе, и вне себя преобразить все стихийное, даровое работой, трудом. Идеальное личное сознание — это сознание трудовое, входящее во всеединство, управляющее общими силами всеми стихиями природы. Вечный труженик, обоготворявший свободный, сознательный труд, — Федоров пережил и воплотил в себе возможность всеединого трудового сознания, которое должно

в конце концов победить смерть и стать творцом бессмертной жизни. Борьба за естественное вселенское бессмертие общими силами человеческого все-сознания — вот норма, во имя которой отвергаются все виды духовного аристократизма, духовного эгоизма. Эта норма проясняет все био- и психографические своеобразия личности Федорова, вплотную подводя его к нашей странной современности.

С каким безумием почтил ты человека,
Как жутко высоко ты длань его вознес.
Ты, вещей и святой старик — библиотекарь,
Тишайший из людей и повелитель гроз!

(В. Бородаевский)¹¹

Если вслушаться в общий мотив души Федорова, в гуманистическую мелодию его норм, — пред нами засветлеет туманность послереволюционного сознания, на наших глазах раздваивающегося на реалистическое, как город и гудок фабрики, и на романтическое, как деревня и песня жаворонка.

Лишь прислушайся, пойми язык машин
Ты — мессия, ты грядущий властелин!
Ты в союзе с паром, сталью и огнем
Овладеешь шаровидным кораблем...

Человеку-богу песня, победителю, борцу;
Созидателю титану, неустанному творцу

(И. Садофьев)¹²

«Наша вера в силе. Наша правда в нас» (С. Есенин). «Пространство будет побеждено, и в свой творческий рисунок мира люди, как в инженерный план, вдунут осязаемые грани строительства. <...> Всюду будут расставлены вехи для безопасного плавания, и человечество будет переключаться с земли не только с близкими ему по планетам спутниками, а со всем миром в его необъятности» (С. Есенин)¹³.

Уж несется предзорная конница
Утонувши в тумане по грудь.
И березки прощаются, клонятся
Словно в дальний собрались путь.

(С. Клычков)¹⁴

Не знаешь, где кончается напев Федорова и где начинается музыка «железных цветов» железного Мессии «пролеткультцев»; тона «Радуницы», «Преображения», журчание «Ключей Марии — души» (С. Есенин)¹⁵. Реалистические и романтические полушария современного послереволюционного сознания, единые в сознании

Федорова, обещают, что надежды на руководство Федорова не напрасны. Больше того. Осмысливая расстроенное и рвущееся настоящее, Федоров связывает его с прошлым, завершая рост интеллигентского сознания 19 века. В личности Федорова переплавлены жесткость радикалов-шестидесятников, романтика народников, динамика Достоевского, трезвость Толстого, буревестничество Горького и тяжелая поступь марксизма; переплавлены в универсальный телеологический прагматизм в опытах личной творческой жизни. Личностью Федорова утверждается возможность психологической непрерывности между прошлым и настоящим, возможность наведения крепких исторических мостов. Но этого еще мало. Трезвая мысль, не удовлетворяясь возможностями, хочет знать проект переправы: жизненны ли исходы; прочны ли пути, реальны ли цели? Удовлетворит ли требованиям современной мысли федоровский проект объединения? Мудрость Федорова, выраженная в его «Философии общего дела», многогранна, порой мозаична в религиозно-научном, этико-эстетическом синкретизме; порой запятнана чернилами времени. Мы выделим философский момент его мудрости, светские аспекты «Философии общего дела», потому что они для ищущих обычной непрерывности общеприемлемы, общенадежны.

II

При выяснении философских мировоззрений необходимо установить, во-первых, происхождение и логическую формулировку философских тенденций (генеалогия и проблематика); во-вторых, уловить предпосылки и устремления философской мысли (аксиоматика и телеология). Кажется предначертанным, что умерший до первой революции Федоров едва ли имел те трагические опыты, которые неминуемо должны лечь в основу современной философии; и едва ли мог ставить вопросы в острой до жуткости тональности? Однако нас поражает кровное родство с современностью и в отливах-смыслах интуиций, и в тембрах вопросов. Голод, болезни, войны — вот русла наших опытов, на которых отныне должно «ориентироваться» мировоззрение. «От детских лет, — говорил вечный сирота Федоров, — сохранились у меня три воспоминания: видел я черный, пречерный хлеб, которым (говорили при мне) питались крестьяне в какой-то, вероятно, голодный год. Слышал я с детства объяснение войны (на мой вопрос о ней), которое привело меня в страшное недоумение: на войне люди стреляют друг в друга. Наконец, узнал я не о том, что есть и неродные, чужие, а о том, что сами родные — не родные, а чужие»¹⁶. Эти воспоминания — интуитивные клейма — сжигали душу Федорова начерно

при его постоянном одиночестве и досмертном сиротстве. «Есть от чего прийти в отчаяние среди такой полной безнадежности, среди такого духовного одиночества в 74 г<ода>», — писал Ф<едоров> в 1898 г. Это не крик отчаяния: чем сиротливее была его душа, тем острее горели плоды его интуиций, тем сильнее билась в нем душа всех голодных, больных — смертных сирот. Чувство всеобщности, всеродства спасало Федорова. «Моя уверенность и дерзость растут вместе с непризнанием и отрицанием моих убеждений» (1899)¹⁷. Богато-динамическая, функционально-творческая натура Николая Федоровича до последних лет верила и надеялась на истинность своих, прозревающих будущее, опытов-интуиций.

В убогой комнате утрами голубыми,
Когда Москва спала, а Кремль был нежно ал,
Листы дрожащие непонятый алхимик
Реченьем пурпура и крови покрывал.

Как зыбким ладаном овеянный отцами,
Сын человеческий, сыновством ты болел...
И выкликал, трубя над горними мирами,
Аскет и праведник, — бессмертье грешных тел¹⁸.

Интуиции Федорова, рожденные трагически в душевных глубинах и преображаемые чувством всеродства, — логически были формулированы в реальных, живых тонах. Откуда голод, болезни, войны, неродство, смерть? Ответы до жуткости современны по колориту: надо реально победить голод, болезни, войны; решить реально вопросы — «продовольственно-санитарный» и милитарный. Пути решения — реальные: всеобщая воинская повинность, всеобщая трудовая мобилизация в армии труда для защиты жизни. Философия должна плакатно прокричать об этих великих задачах, должна создать план и проект вселенской интернациональной кампании против смерти: против голода, болезни, войн. Война войне! Мир миру! За Жизнь против Смерти! Философия, следовательно, должна стать активной, проективной и продуктивной. Она должна объединить все органы культуры: и религию с наукой, и этику с эстетикой. Она должна сбросить с себя коросты, привитые Грецией, Индией, Западом с Декартом и Кантом, и возродиться в Зенд-Авесте, в исконном славянстве, всегда звавшем к жизни. Философия трезвой воли пусть сменит философию холодного разума и мечтательного сердца, объединит фарисеев-идеалистов и саддучеев-материалистов, указав им реальную цель жизни! Чтобы не превратиться в хаотический поток, философия руководится проектом жизни: у ней есть свои начала и свои концы, свои аксиомы и цели. «Философия есть <...> наука о родстве и неродственности. Родство и неродственность самые полные, самые конкретные понятия; от них можно лишь отвлекать, обезли-

чивать; можно, так сказать, обращать их в призраки, в тени, в идеи; пополнять же их невозможно. В родстве полнота жизни, чувства, разума, действия; примирение религии с наукой, искусством, нравственностью; в неродстве безжизненность, разъединение, раздор. Одним словом, родственность тождественна с бессмертием, а неродственность со смертью»¹⁹. Все философские аксиомы — перифраз антиномии смертной жизни, неродственной раздвоенности. Жизнь и смерть (онтология), человек и природа, сознание и бессознательное, субъект и объект знания, красота и безобразие, добро и зло, деревня и город... В конечном итоге культура борется с природой, труд сознания — с капиталом природы; в конце концов смертная жизнь — плод естественной классовой борьбы. Там, где труд, — сознание, жизнь, красота, добро, бессмертие. Там, где даровое, — бессознательное, смерть, безобразие, зло, смерть... Философия своей телеологией намечает единственный, но для всех необходимый выход из этого антиномического ада. На ее знамени написано: *memento vivere!*²⁰ Борьба за бессмертную жизнь! Правда, путь к жизни идет чрез Голгофу, чрез памятование, что смерть реальна: *memento mori!*²¹ Все ответы на крик-вопрос: в чем смысл жизни? — бессодержательны, могильны. Твердят о счастье, единении, гармонии, свободе! Но пока есть реальная смерть, этот естественный пауперизм, — призывы к жизни нечестны, неискренни. Счастье, когда все пахнет трупом? Единение, когда всюду разъединительница смерть?! Гармония, когда жизнь пляшет дисгармоничную пляску смерти?! Свобода, когда люди — вечные крепостные, прикованные рабы земли? Смерть — источник болезни. Смерть — разъединительница, первопричина войн всего рода. Мы, носители зрячести, сознательно-трудоу организованности, и можем и должны победить смерть. Как? Какими средствами? Не мистическими и не одиночными. Смерть — плод незнания. Бессмертие добывается знанием: знание — Давид для Голиафа. В обезжествлении знания Федоров идет дальше панлогизма. Под знанием разумеется не отвлеченное сплетение бездомных мыслей: знание, выражая все силы духа, становится проективной преобразующей силой. Так как смерть и природа — синонимы, то путь к бессмертию пролегает на путях научно-организованного знания природы. До сих пор наука служила роскоши, университет был пристройкой фабрики. Истинная наука «есть действие, вызываемое любовью; только тогда она переходит в действие, в ней сочетаются в могучее целое и ум и чувство и воля; только тогда она становится выражением полноты объединения сил и способностей, т. е. всемогущей»²². Активное познание природы приведет к регуляции природы, к владычеству над землей, над небом. Регуляция природы разрешит вопросы продовольственный и санитарный: небесное вознесение и переселение станет фактом, а не мифом. Познание

человека даст психократию. «Познайте друг друга» — эта заповедь станет основанием заповеди любви. Психократия победит небратство, неродство, войны. В регуляции природы и психократии объединены все пути человечества: пути религиозные односторонни в своей символичности; отвлеченны и бесцельны пути научные; идолопоклонством занято искусство; слишком близоруки и землисты проекты только социально-экономического объединения. Психократия объединит и верующих и неверующих, и ученых и неученых, всех. Цель — борьба за бессмертную жизнь — всем близка, всем понятна: она общая, универсальная. Общи и универсальны средства познания: все должны стать познающими и строить жизнь, как в древности сообща строились обыденные храмы. Пути индивидуальные, обособленные или мнимы, или эгоистичны. «Мы должны жить не для себя только, и не для других только, но со всеми и для всех». Наше родство — порука за успех общего дела, разрабатываемого общими силами. Мы — «сыны человеческие», «дети», «братья», ветви древа жизни. Не «человек», не общечеловек, не сверхчеловек, не вечно-женственное, а вечно-сыновнее, вечно-детское — знак нашего всеродства. Вселенский опыт регуляции природы и психократии — единственный метод мысли, жизни. Тогда все в нас станет нашим, общим делом, тогда построится трудовое коллективное сознание. И враг природа, регуляцией освобожденная от смерти, станет другом вечным, очеловечится. Всё и все будут единой осанной жизни. Человечество станет подобно Богу... Оно создаст бессмертие жизни, оно воскресит все прошлое. Федоров испытывает гуманистические чаяния, заостряет лепеты об антропологическом откровении, но здесь уже начинается новая — религиозная — сфера в мировоззрении Федорова: гуманизм истолковывается тео-антропически. Принимая во внимание светские аспекты философии Федорова, мы видим в них что-то глубоко современное, символическое. Вино федоровства чувствуется в работах мыслителей и марксистского, и немарксистского лагеря. Достаточно вспомнить «Всеобщую организационную науку» Богданова²³, романы и эпопеи А. Белого²⁴, философствования отдельных «имажинистов» (С. Есенин). Осмысливая настоящее, «Философия общего дела» вбирает в себя весь философский воздух конца 19 века, настойчиво чеканя мысль об исторической непрерывности прошлого и настоящего. Предреволюционная философия, тяготеющая к активизму, была раздвоенной: шел спор об имманентном и трансцендентном, о психологизме и логизме, об интеллектуализме и прагматизме. И в личности, и в «Философии общего дела» дано тотальное преодоление спора. Имманентная синтетика жизни, проективизм мысли, универсальная методология — вот ответы на предреволюционные замыслы философии. Помимо того, «Философия общего дела» преодолевает западни-

ческие и славянофильские толки русской мысли. Торжество трудового сознания — истинное самодержавие человечества; победа над естественным пауперизмом — реальное православие жизни; универсальные пути истинно народны. Славянство должно понести вселенский светоч на Запад и на Восток. Вместе с тем оцениваются в их преображении и наука и культура... так что идеи Герцена и Достоевского, Толстого и Соловьева объединяются. Мудрецом вписаны все заветы и они не стерлись для века двадцатого... Души расстроенные, ищущие исторической, космической непрерывности, могут взять в руководители «загадочного мыслителя» и его «Философию общего дела». Может быть, на путях и перепутьях они оставят руководителя, внутренне с ним не согласятся... Несомненно одно: мимо него пройти нельзя. Есть глубокая правда в словах друга Н^{<иколая>} Федоровича: «И мы верим, этот светлый образ будет расти все больше и больше; и влиять все шире и плодотворнее на умы и сердца людей, которых он всех любил, как братьев, всех жалел, как гибнущих от забвения братства и долга сыновнего и вопросу о спасении которых были отданы великодушно все его думы, чувства и желания, весь самоотверженный подвиг его долгой трудовой жизни» (В. Кожевников).

1921, 15/VII.

Ярославль

